

П.Я. Пясецкий

Неудачная экспедиция в Китай 1874-1875

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П11

П11 **П.Я. Пясецкий**
Неудачная экспедиция в Китай 1874-1875 / П.Я. Пясецкий – М.: Книга по Требованию, 2014. – 300 с.

ISBN 978-5-458-01228-7

Неудачная экспедиция в Китай 1874-1875 гг.

ISBN 978-5-458-01228-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

что представляется имъ, какъ своя работа, дѣйствительно сдѣлано имъ; что все, что онъ говоритъ въ своемъ описаніи, есть истина, а не ложь и клевета; чтобы подобнаго обвиненія никто и не посмѣлъ связать печатно, не представивъ ни одного доказательства въ подтвержденіе своихъ словъ. Эти увѣренія понижаютъ чувство уваженія къ самому себѣ, ослабляютъ энергію его духовныхъ силъ и благородныхъ стремленій, дѣлаютъ менѣе добрымъ сердце и поселяютъ въ немъ чувство общаго недовольства собою и другими:—собою за то, зачѣмъ трудился много, неутомимо и желая трудиться еще больше; другими за то, что они не всегда умѣютъ отличить худое отъ добраго и караютъ именно за то, за что бы слѣдовало только уважать; а это—не путь къ доблести и къ новымъ безкорыстнымъ дѣламъ и стремленіямъ... Надо, чтобы всякій создавалъ что-нибудь свое, хорошее или полезное, а не тратилъ время на убѣжденіе другихъ, что сдѣланное имъ дѣйствительно полезно или хорошо; еще же болѣе надо заботиться о томъ, чтобы написавшему правдивую книгу,—что не особенно-то легко достается, — не приходилось отстаивать ее противъ не серьезныхъ, а богъ-знаетъ какихъ и чьихъ, обвиненій въ извращеніи фактовъ и искаженіи истины, обвиненій, хотя и жалкихъ по существу и забавныхъ по своей невѣроятности, тѣмъ не менѣе находящихъ себѣ мѣсто въ печати. Вотъ этого послѣдняго не должно быть, потому что если печать и есть одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ узнавать истину и хранить ее, то только тогда, когда она, дѣлая кому упрекъ, изобличая въ какомъ-либо нечестномъ дѣлѣ, или прямо нанося комунибудь оскорбленія, не лишаетъ лицо возможности сказать слово въ свою защиту. Печать не должна ни въ кого бросать камнемъ изъ ва угла или защищать тѣхъ, кто это дѣлаетъ.

А это, какъ объяснено выше, случилось именно со мной: напечатанное въ „Голосѣ“ письмо, подъ заглавіемъ „Экспедиція въ Китай“, обвиняетъ меня въ такихъ неслыханныхъ преступленіяхъ передъ печатью, обществомъ и г. Сосновскимъ, за котораго меня давно слѣдовало бы отдать подъ судъ и очень строго наказать. И это, конечно, и было бы немедленно сдѣлано, если бы обвинители мои хоть на волосъ вѣрили въ свои собственные слова... Что заинтересованнымъ лицамъ хотѣлось оправдаться, и, за невозможно-

стью это сдѣлать, они рѣшились хоть оскорбить меня,— это совершенно естественно, и, если не законно, то обыкновенно; но почему редація почтенной газеты нашла нужнымъ принять въ этомъ участіе своимъ отказомъ напечатать у себя мое возраженіе,—это для меня непонятно, тѣмъ болѣе, что сама же она въ № 118, назвала мое сочиненіе „въ высшей степени интереснымъ и почтеннымъ трудомъ“; сама же она говоритъ, что „наблюденія сдѣланныя авторомъ, чрезвычайно любопытны, не говоря уже о своеобразномъ впечатлѣніи, производимомъ картинами китайской жизни“ „Множество ученыхъ, этнографическихъ, промышленныхъ и другихъ замѣтокъ, продолжаетъ она, придаютъ разсказу еще больше значенія; особенно цѣнны его изслѣдованія быта и образа жизни этой оригинальной расы“ „Любознательность автора, старавшагося уловить все, что встрѣчалось ему на пути достойнаго замѣчанія, доходитъ до того, что онъ занимался въ путешествіи даже китайскимъ языкомъ и сообщаетъ свои наблюденія надъ нимъ. Словомъ, нѣтъ, кажется, такого предмета въ области знаній, которымъ бы остался чуждъ г. Пясецкій во время своихъ странствованій по Китаю“... Вѣдь я этихъ словъ произносить не просилъ и не заставлялъ, да и не могъ; и теперь только благодарю за нихъ..

Я сказалъ, что не считаю родины своей несправедливою; поэтому буду не молчать, а говорить. Да и не всегда можно „молчать во всеуслышаніе“, когда насъ во всеуслышаніе же обвиняютъ, потому что хоть и говоритъ пословица—кто оправдывается, тотъ себя обвиняетъ, но въ то же время говорится и другое: „рѣдко бываетъ, чтобы человекъ переносящій спокойно оскорбленіе не заслуживалъ его“. Да кромѣ того, я намѣренъ не оправдывать себя, а обличать другихъ.

Начиная свою рѣчь, считаю необходимымъ теперь же заявить, что отечествомъ своимъ я называю Россію не потому, что „мнѣ въ ней хорошо“, а потому что въ ней я родился, что предки мои, на сколько я ихъ знаю, всѣ люди русскіе (малороссы) православные; слѣдовательно и „русское имя“ вообще, и „имя русской экспедиціи“, особенно той, въ которой я самъ принадлежалъ, не могутъ быть менѣе дороги мнѣ, чѣмъ Адольфу Эразмовичу Боярскому, подписавшемуся подъ письмомъ въ защиту Юліана Ада-

мовича Сосновскаго. И не напрасны ли старанія объяснить полемическій характеръ моего „Путешествія по Китаю“, хотя и двусмысленной, но лишенной смысла фразой, будто я „принялъ на себя благородный трудъ очернить имя *русской* экспедиціи“, такъ какъ письмо не даетъ больше никакихъ объясненій. Национальностью моею, поэтому, ничего тутъ объяснить нельзя, а надо поискать другихъ причинъ, почему я написалъ свою обличительную книгу, почему она производитъ на нѣкоторыхъ „невыносимо тяжелое“ впечатлѣніе, и почему г. Сосновскій самъ не выражаетъ на нее открыто никакихъ неудовольствій... Или въ самомъ дѣлѣ въ Россіи суда нѣтъ, что онъ не требуетъ меня въ отвѣтъ, если считаетъ меня виновнымъ противъ себя въ клеветѣ!..

Нѣтъ, честь всего русскаго мнѣ такъ дорога, что, безъ малѣйшаго преувеличенія, скажу: какъ мою книгу, такъ и настоящую брошюру, я написалъ именно въ защиту чести русскаго имени. И такъ какъ послѣдняя назначается по преимуществу для тѣхъ изъ читателей, до которыхъ мое „Путешествіе по Китаю“ не доходило и, можетъ быть, никогда не дойдетъ, то я знакомяю ихъ съ его исторіей, характеромъ и содержаніемъ; и имъ станетъ понятно, почему нужно было сказать то, что сказано въ „Письмѣ фотографа Боярскаго“. Я говорю, что это письмо совсѣмъ не написано имъ, а есть возраженіе на мою книгу самого г. Сосновскаго. Я доважу, что книга моя (хоть она и моя), содержитъ очень много интересныхъ, хотя часто, благодаря г. Сосновскому, и не довольно подробныхъ свѣдѣній; что при чтеніи нѣкоторыхъ ея страницъ читатели испытываютъ нервную дрожь отъ возмущенія и негодованія. Я považу далѣе, что г. Сосновскому—больше того, что сказано въ „Письмѣ“, говорить нечего; что все его письмо въ высшей степени возмутительно, но не содержаніемъ своимъ, а потому что оно все построено на обманѣ, который, онъ думалъ, можетъ остаться не разоблаченнымъ.

Пока, не все ясно; но читайте дальше, и все станетъ для васъ понятнымъ; я все сейчасъ объясню и доважу,—только будьте судьей безпристрастнымъ, потому что „пристрастіе порождаетъ безнаказанность“, а она вредитъ общественному благу. Да пристрастному, кромѣ того, не докажешь, пожалуй, что и дважды два—четыре.

ДВѢ НЕУДАЧНЫХЪ
ЭКСПЕДИЦІИ ВЪ КИТАЙ
Г. СОСНОВСКАГО.

„Приписывать своимъ врагамъ небывалыя вещи и лгать для того, чтобы обезславить ихъ, это значить—хлопотать для ихъ пользы“. La Bruyère.

Снаряженіе экспедицій, и особенно правительственныхъ, въ отдаленныя и мало извѣстныя страны, далеко не можетъ быть отнесено въ разряду событій мелкихъ или обыкновенныхъ, а потому не заслуживающихъ особеннаго вниманія общества. Напротивъ, многосторонняя важность подобныхъ путешествій понималась и понимается всѣми образованными людьми; экспедиціи всегда имѣютъ значеніе, даже независимо отъ задачъ и цѣлей, для каковыхъ онѣ отправляются, а просто потому, что прохожденіе группы иноземныхъ путешественниковъ черезъ чужую страну есть до нѣкоторой степени историческій моментъ въ жизни двухъ народовъ,—одного, отправляющаго своихъ представителей, и другаго, принимающаго ихъ, и черезъ нихъ знакомящагося со страной, людьми и обычаями, а также желаніями и стремленіями перваго...

Но всѣ ли читатели знаютъ о томъ, что въ 1874 году правительствомъ нашимъ была отправлена въ Китай экспедиція съ извѣстными учеными и практическими задачами, что эта экспедиція въ числѣ трехъ оффиціальныхъ членовъ, Сосновскаго, Матусовскаго и Пясецкаго, проѣхала черезъ Сибирь, на Кяхту, черезъ Монголію, Восточный, Средній и Сѣверо-западный Китай, и вернулась въ Россію въ г. Зайсанъ? Я имѣю основанія думать, что еще до сихъ поръ не всѣмъ это извѣстно, потому что даже въ Петербургѣ, даже до послѣдняго времени, приходится (хотя

уже очень рѣдко) встрѣчать людей, которые ничего объ ней и не слыхивали. Экспедиція же въ Китай — событіе вообще не маловажное, не безынтересное и рѣдкое; по тому же, какія мѣстности азіатскаго материка, въ предѣлахъ Китая, мы посѣтили, эта экспедиція была первою, и не только первою русскою, но и вообще европейскою. Казалось бы, какъ не знать: обыкновенно о подобныхъ путешествіяхъ въ обществѣ знаютъ и говорятъ еще за долго до отправленія путешественниковъ, успѣваютъ заинтересоваться и задачами, и самими отправляющимися людьми, высказываютъ свои надежды и критическія замѣчанія относительно большей или меньшей пригодности личнаго состава для выполненія начертанныхъ задачъ и т. п.; но ничего подобнаго не было, когда я собирался уѣзжать изъ Петербурга, въ мартѣ 1874 года, въ названное далекое путешествіе. И меня это тогда же нѣсколько удивляло: отчего это о нашей экспедиціи почти никто не знаетъ, думалось мнѣ; такъ что только съ моихъ словъ, напримѣръ, уже почти наканунѣ отъѣзда, репортеръ одной газеты, случайно встрѣтившись со мною, записалъ о ней краткія свѣдѣнія и напечаталъ всего двадцать, тридцать строкъ. Потомъ же я узналъ, что и это краткое извѣстіе было неприятно начальнику экспедиціи г. Сосновскому, потому что онъ, какъ оказалось, находилъ почему-то нужнымъ дѣлать изъ экспедиціи тайну, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, „пока мы не выѣдемъ этакъ примѣрно за Ураль“), а что „потомъ могутъ писать о ней кому и что угодно“. Онъ опасался, какъ онъ говорилъ и какъ говорится въ его официальныхъ письмахъ*), чтобы не „возбудить иностранной подозрительности, а потому и просилъ говорить объ экспедиціи не иначе, какъ „конфиденціально“, „безъ огласки“. Тогда я искренно повѣрилъ этой причинѣ, но не понималъ, почему ей не нужно опасаться, какъ только мы переберемся въ Сибирь... Не понималъ я также, почему правительству было обѣщано, что все путешествіе будетъ окончено въ полгода, какъ и то, что мы совершимъ его на 8450 р., когда предстоялъ такой большой путь... Но тогда всѣ мои мысли летѣли впередъ, въ интереснѣйшей странѣ, которую мнѣ суждено было уви-

*) Напримѣръ, въ „представителяхъ Московскаго Биржеваго Комитета“ и г. Губкину.

дать; я готовился въ будущей дѣятельности, и не въ свое дѣло не вмѣшивался...

Черезъ годъ и девять мѣсяцевъ экспедиція вернулась. И опять,—разговоровъ, печатныхъ сообщеній и разсужденій о ней было ужасно мало, но теперь уже по причинамъ совершенно понятнымъ. Теперь, г. Сосновскій, опасаясь чего-то совсѣмъ другого вмѣсто „иностранный подозрительности“, всѣми мѣрами заботился о томъ, чтобы объ экспедиціи вообще поменьше говорили и „не распускали слуховъ, особенно дурныхъ“; онъ даже письменно запрещалъ это своимъ спутникамъ, и старался о томъ, чтобы общество знало только одно хорошее, и чтобы его одного могло слышать и слушало. Эти мѣры, теперь уже вполне понятной для меня предосторожности, простирались до того, что въ засѣданіи Географическаго Общества, напримѣръ, въ которомъ онъ дѣлалъ докладъ о совершенномъ экспедиціей путешествіи, онъ не рѣшился даже представить Совѣту Общества ни меня, ни г. Матусовскаго, находившихся тутъ же, и даже по его собственному приглашенію; а на наши работы, также доставленные въ засѣданіе Общества не было обращено ничьего вниманія, словно въ нихъ таилось что нибудь для экспедиціи небезопасное.— Понятно, поэтому, отчего черезъ недѣлю въ публикѣ не было о ней и помину; и лишь изрѣдка потомъ появлялись отрывочныя свѣдѣнія то о томъ, то о другомъ изъ ея членовъ... Сравните-ка съ возвращеніемъ экспедицій г. Норденшельда или г. Пржевальскаго! А, вѣдь, наша экспедиція, какъ сказано, была тоже не маловажная.

Потомъ, также отдѣльно и разновременнo, были напечатаны краткіе оффиціальныя отчеты,—одни безъ всякихъ обѣщаній, другіе съ обѣщаніями, въ родѣ того, напримѣръ, что „мы разсчитываемъ, со временемъ, отдать весь собранный матеріалъ на судъ публики, а теперь можемъ сказать лишь одно: было святое сознаніе долга, а объ успѣхахъ—судить не намъ“... Такъ было сказано въ отчетѣ г. Сосновскаго. Но публика и самый этотъ отчетъ проглядѣла, потому что онъ былъ напечатанъ въ очень спеціальному журналу (Воен. Сборн. 1876. №№ 9, 10, 11), и обѣщаніе г. Сосновскаго такъ обѣщаніемъ и осталось. Словомъ, говорю, экспедиція, вмѣсто нѣкоторыхъ шума, славы и ожив-

ленныхъ разговоровъ, по поводу сообщеній объ интереснѣйшихъ азіатскихъ странахъ, была встрѣчена точно умышленно-холоднымъ равнодушіемъ; и печать какъ-будто вяло относилась къ ея результатамъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ заслуживали большія одобренія и похвалы всѣхъ, кому случайно удавалось ихъ увидать. Такой интересъ и вниманіе возбуждали между прочимъ и тѣ изъ моихъ работъ, которыя были для всякаго занимательны и каждому сразу понятны...

Нельзя не пожалѣть, что у насъ все еще считается иногда чуть не преступленіемъ, когда человекъ позволитъ себѣ самъ сказать другимъ, что онъ сдѣлалъ то-то и то-то, хотя потомъ его же упрекають въ неумѣлости и неправдичности за то, что онъ никому не далъ своевременно знать о сдѣланномъ. А скажи,—пожалуй заговорять о недостаточной скромности, о желаніи „самопрославленія“, какъ-будто въ самопрославленіи подобнаго рода лежитъ источникъ общественной бѣды. Да прославляйтесь и возвышайтесь всѣ, сдѣлайте одолженіе,—сказалъ бы я своимъ соотечественникамъ,—(особенно, когда необходимость заставляеть) но только за такія дѣла, которыя бы потомъ и всѣ находили хорошими, и не унижали васъ за нихъ, а только почитали бы. Что тутъ можетъ выйти дурного? А солгалъ кто, похваливъ себя не по заслугамъ,—не онъ ли будетъ наказанъ? Не на то ли данъ людямъ смѣхъ, чтобы смѣяться надъ смѣшнымъ? Если же кто владѣеть тѣмъ, что служить къ пользѣ или удовольствію другихъ, то отчего, позвольте спросить, предосудительно заявить ему объ этомъ самому? Отчего, если другіе нашли, что вы сдѣлали что-нибудь порядочное, самимъ вамъ возбраняется объ этомъ говорить?.. И замѣчательнѣе всего то, что подобный „образъ скромности“ требуется не отъ всѣхъ и не во всѣхъ случаяхъ: таковъ ужъ „обычай“,—этотъ „варваръ межъ людей“. Но, будутъ ли названы слѣдующія мои слова „самопрославленіемъ“, или еще какънибудь иначе, дѣлать нечего,—приходится отложить на минуту скромность въ сторону, потому что она въ данномъ случаѣ къ добру не поведетъ... Предоставляя другимъ каждому говорить за себя, я скажу слѣдующія нѣсколько словъ. Никогда не забуду я того неожиданнаго впечатлѣнія, какое произвели мои рисовальныя работы, исполненныя во время путешествія и представлявшія такое собраніе акварелей и

рисунковъ съ натуры, что они едва помѣстились въ громадной Георгіевской Залѣ Зимняго Дворца, въ день обычнаго Высочайшаго смотра военно-топографическихъ и другихъ работъ за истекшій годъ; никогда не забуду я общаго изумленія всѣхъ членовъ свиты Государя, отказывавшихся вѣрить, что всѣ рисунки сдѣланы мною однимъ, въ дорогѣ, и въ такое короткое время, какъ всего годъ и три мѣсяца, проведенные въ Китаѣ... Фактъ на лицо и живыхъ свидѣтелей его много... Никогда не забуду также какъ заинтересовала всѣхъ задуманная мною въ дорогѣ и приведенная въ исполненіе панорама, представляющая въ непрерывномъ изображеніи весь путь по пройденной странѣ, не въ видѣ маршрутной карты, понятной лишь для специалистовъ, а въ видѣ одной картины, наглядно показывающей зрителю всѣ главныя черты характера изображенныхъ странъ и почти не требующая объясненій. И эта новая работа, въ видѣ сто-аршинной картины, переходящей съ одного вала на другой, на особо устроенномъ станкѣ, также выставленная въ Зимнемъ Дворцѣ въ день Высочайшаго смотра работъ 76—77 года, удостоилась общаго вниманія и самыхъ лестныхъ похвалъ моимъ идеѣ, дарованію и трудолюбію. И я всему искренно вѣрилъ, потому-что самъ зналъ цѣну своимъ работамъ, что не могъ не знать, какою цѣною приобретаются эти вниманіе и похвалы, какой напряженной дѣятельности требовали эти „результаты“... Фактъ также на лицо, и объ этой работѣ былъ отчетъ въ „Русск. Инвалидѣ“... Не менѣе пріятное воспоминаніе сохраняется у меня о томъ днѣ, въ который Совѣтъ Академіи Художествъ, осмотрѣвъ мое собраніе дорожныхъ рисунковъ, выставленныхъ для публики, тутъ же единогласно рѣшилъ поднести мнѣ почетное званіе—„въ уваженіе полезной дѣятельности по искусству“, какъ связано въ дипломѣ.

Но наступилъ военный годъ и все забылось: мыслями и чувствами всѣхъ овладѣли тогда театры военныхъ дѣйствій... И лишь съ окончаніемъ послѣднихъ оставшіеся въ живыхъ вернулись къ прежнимъ занятіямъ и своимъ неоконченнымъ дѣламъ. Я возвратился въ разработкѣ привезеннаго изъ витайскаго путешествія матеріала и торопился привести въ порядокъ свои дорожныя воспоминанія, которыя, два года спустя, и появились въ свѣтъ въ видѣ

двухъ томовъ названнаго „Путешествія по Китаю“. И вотъ, лишь благодаря этой книгѣ, русское общество не только вспомнило о нашей экспедиціи, но можно сказать впервые познакомило съ ней, потому что все, что говорилось раньше, имѣло или спеціальнѣйшій, или иной характеръ, а потому мало содѣйствовало къ ознакомленію съ дѣломъ. Теперь общество не вправѣ было жаловаться на то, что его оставляютъ въ невѣдѣніи относительно всего видѣннаго и узнаннаго, во время нашего путешествія, и что предлагаютъ лишь сухой перечень чуждыхъ уху именъ и скучныхъ цифръ. Оно и не жаловалось, а, судя по всему, заинтересовалось книгой; и печать отнеслась къ моему труду съ такимъ вниманіемъ, которое ясно доказало, что никто не былъ равнодушенъ къ дѣлу бывшей экспедиціи, какъ будто не интересному или не важному,—совсѣмъ напротивъ.

Но, угодивъ обществу своимъ простымъ дневникомъ, безъ малѣйшихъ претензій на ученость, серьезность или полезность моего труда, я не угодилъ двумъ изъ своихъ спутниковъ, имена которыхъ являются въ названномъ письмѣ, направленномъ противъ моей книги,—г. Сосновскому, и „взявшемуся“ защищать его г. Боярскому,—о чемъ я зналъ впередъ, давно, еще въ Китаѣ, и о чемъ впрочемъ ни мало не сокрушаюсь, хотя я всегда съ большимъ почтеніемъ отношусь къ отзывамъ постороннихъ о моихъ трудахъ: здѣсь дѣло исключительное. Письмо ихъ выражаетъ плохо скрытое желаніе убѣдить общество въ томъ, что книгу Пясецкаго, описывающую его путешествіе, совсѣмъ не стоитъ читать, потому что она вовсе неинтересна; что, кромѣ личныхъ счетовъ автора съ г. Сосновскимъ, будто бы почти ничего не содержитъ; что она въ высшей степени неправдива, и, наконецъ, что авторъ только желалъ ввести общество въ заблужденіе, наговоривъ богъ-знаетъ чего на г. Сосновскаго, но что послѣдній—вполнѣ достойный уваженія человѣкъ; или, выражаясь словами письма, что оба мои тома—ничто иное какъ „масса лжи и клеветы“... Мнѣ припомнились тутъ слова, сказанныя Livgau, что „клеветникъ, будучи не въ состояніи возвыситься до честнаго человѣка, старается унижить его до себя“... И вотъ, по письму выходитъ, что я поступилъ именно такъ: полтора года старался я возвыситься до г. Сосновскаго,—не

могъ; и съ досады написалъ книгу въ цѣлыхъ тысячу страницъ съ единственною цѣлью „унизить его до себя.“

Въ письмѣ, отъ лица фотोगрафа Боярскаго, авторомъ говорится слѣдующее:

„Мнѣ, а тѣмъ болѣе читающей публикѣ, нѣтъ дѣла до взаимныхъ отношеній, существующихъ между гг. Пясецкимъ и Сосновскимъ; это ихъ личные счеты“.

Тѣ изъ читателей, кто успѣлъ познакомиться съ моею книгою, уже знаютъ,—а незнакомые съ нею тотчасъ увидятъ,—что это за „взаимныя отношенія“, есть ли до нихъ дѣло читающей публикѣ и что это за „личные счеты“. Со мною ли только приходится считаться г. Сосновскому, или же съ этимъ самымъ обществомъ, которому до всего есть дѣло и должно быть до всего дѣло. Оно не въ правѣ убаюкивать себя противоположною фразой, и убаюкивать его ею въ данномъ случаѣ—преступно: кто же не знаетъ, что общественная жизнь и жизнь цѣлыхъ государствъ, есть ничто иное, какъ сумма хорошихъ и худыхъ „личныхъ“ дѣлъ, и что общество за первыя почитаетъ, а за вторыя караетъ, чтобъ они не находили себѣ подражателей... И такъ, вопросъ въ томъ: что такое представляетъ собою моя послѣдняя работа по командированію меня въ Китай,—извѣстное ли преступное дѣяніе, унижающее прежде всѣхъ меня самого, а также нашу печать, и оскорбляющее общество, или только добросовѣстно исполненный трудъ, за какой его приняли всѣ, непринимавшіе участія въ экспедиціи капитана Сосновскаго?...

Но прежде, чѣмъ перейти къ предмету небезынтереснаго возникающаго спора, т. е. въ содержанію моей книги,—читателямъ, которые, какъ безпрестанно бываетъ, поставлены въ положеніе присяжныхъ судей, необходимо познакомиться съ краткой исторіей „Письма въ редакцію“, чтобы все для нихъ стало ясно, и чтобы имъ легче было рѣшить, которую изъ сторонъ признать правей, которую виновной; въ книгѣ ли моей заключается клевета, или клеветникомъ является авторъ „второй Экспедиціи въ Китай“? Вопросъ, какъ видите, хотя и личный, но далеко не маловажный, потому что касается совсѣмъ не самолюбія маленькихъ людей, каковы мы всѣ—члены бывшей экспедиціи, а большаго литературнаго труда, имѣющаго полу-официальный ха-